

УДК 2:347[(470)+(510)](=82)(044)(093.2)

ПЛАНЫ ДАРОВАТЬ СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ СТАРООБРЯДЦАМ ПРИ ПОСЕЛЕНИИ НА КВЖД В 1899—1903 гг.

Иван Леонидович ШЕВНИН,

соискатель Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск.
E-mail: ils5@mail.ru

В статье анализируются идеи и положения, которые изложены в переписке министров Российского императорского правительства С.Ю. Витте, Д.С. Сипягина и В.К. Плеве о предоставлении свободы вероисповедания старообрядцам в Маньчжурии в начале строительства Китайско-Восточной железной дороги с целью создания осёдлого русского населения.

Ключевые слова: Россия, старообрядцы, Китайско-Восточная железная дорога, Маньчжурия, колонизация.

Plans for reserving the religious freedom to Old-Believers while settling them in the zone of the Chinese-Eastern railway in 1899—1903

I. L. Shevnin, competitor for a candidate degree, Far Eastern State Humanitarian University, Khabarovsk.

The article analyzes the ideas and statements being expounded in the correspondence of ministers of the Russian Imperial government S. Yu. Vitte, D. S. Sipyagin and V. K. Pleva about reserving the freedom of confession of faith to Old-Believers in Manchuria at the beginning of building the Chinese Eastern Railway with the purpose to establish there the permanent Russian population.

Key words: Russia, Old-Believers, Chinese Eastern railway, Manchuria, colonization.

К концу XIX в. в императорской России проживали миллионы древлеправославных христиан, которые не обладали правами свободы вероисповедания. Более того, им было отказано пользоваться правами и свободами, прежде всего религиозными, в отличие от остальных подданных. На территории Российской империи в 1830-х гг. образовался своеобразный «оазис» старообрядчества — Южная Бессарабия, где российское законодательство было снисходительно к старообрядцам, являясь, по сути, репрессивным. Другой территорией, на которой правительство планировало предоставить большую свободу вероисповедания старообрядцам, могла стать Северная Маньчжурия, вдоль полосы Китайско-Восточной железной дороги.

Вопрос о переселении старообрядцев в Маньчжурию в начале XX в. исследовался В.Ф. Лобановым. М.Б. Сердюк подробно рассмотрела правительственные проекты по этому вопросу. В статье представлены

материалы с идеями и положениями, изложенными в переписке министра финансов С.Ю. Витте с министрами внутренних дел Д.С. Сипягиным и В.К. Плеве, а также наместником императора на Дальнем Востоке Е.И. Алексеевым.

Эти документы дают возможность акцентировать внимание на планах императорского правительства о предоставлении свободы вероисповедания старообрядцам в Маньчжурии. В связи с этим можно говорить о новых исследованиях 2000-х гг. по вероисповедной ситуации в Южной Бессарабии в XIX—XX вв., на которую ссылаются в документах как на прецедент в вопросе о предоставлении религиозных свобод в Маньчжурии, имея в виду, что для амурской администрации он был не новым [9, с. 51—59]. Документы показывают прогрессивный характер деятельности С.Ю. Витте и решающую роль в даровании религиозных свобод старообрядцам императора Николая II, демонстрируют этапность планов к Высочайшему указу о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.

Необходимо отметить, что в начале 1860-х гг. в планах освоения дальневосточных земель старообрядцам отводилась вполне определённая роль. В.Ф. Лобанов полагает, что в переселении старообрядцев на Дальний Восток были заинтересованы прежде всего амурская администрация, а также Главное управление Восточной Сибири, по инициативе которого 4 июля 1860 г. было утверждено положение, разрешавшее всем «раскольникам», кроме скопцов, переселяться на Дальний Восток и записываться в городское сословие. В 1862 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков вошёл в Сибирский комитет с предложением «...о предоставлении переселяющимся на Амур «раскольникам» полной свободы вероисповедания». Предложение М.С. Корсакова имело здравый смысл, поскольку речь шла о возможности привлечь на Амур «...такой желательный в суровых условиях края колонизационный элемент, как старообрядцы, широко известные своей трезвостью, трудолюбием, энергией». Всё это говорит о позитивном отношении к старообрядчеству местной администрации, исходившей в первую очередь из практических соображений заселения края [4, с. 39].

М.Б. Сердюк считает, что проблема переселения старообрядцев и сектантов в Амурскую и Приморскую области рассматривалась в правительстве с 1898 г. Министр финансов С.Ю. Витте предлагал путём поощрения переезда в регион старообрядцев и сектантов, выделявшихся из массы переселенцев своей домовитостью и зажиточностью, предоставить некоторые религиозные льготы, которых нет в Европейской России. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской также придерживался подобного мнения, считая, что именно старообрядцы положили основание экономическому развитию Забайкальской области. Возобладало мнение, что на первом месте стоит хозяйственное освоение и заселение дальневосточных территорий, и из необходимых условий этого являлось предоставление религиозных свобод. Императорское правительство было заинтересовано в привлечении новых поселенцев на осваиваемые земли при минимальных затратах, но под влиянием Святейшего Синода это условие не было реализовано, ссылаясь на уже существующие широкие льготы в Приамурье

и Приморье. В официальных кругах признавали, что в указанных регионах существует более лояльное отношение к старообрядцам и другим верующим, не принадлежавшим к господствующей церкви. Разумеется, там отсутствовала полная свобода исповедания, но «...ослабления режима действующего законодательства воспринимались постоянно находившимися под угрозой репрессий «раскольниками» именно как свобода вероисповедания и служили важнейшим стимулом для переселения» [7, с. 167—168].

В России политика правительства по отношению к старообрядцам выражалась в притеснении веры и ограничении гражданских прав. С начала XVIII в. государство держало старообрядческий вопрос под постоянным контролем: периоды послаблений чередовались с усилением давления и жесткими полицейскими мерами [10, с. 4]. В конце XIX в., когда началось строительство КВЖД, российское законодательство даровало некоторые гражданские права древлеправославным христианам. Так, разрешалось иметь паспорт на случай отлучки, производить торговлю и промыслы, вступать в иконописные цехи, занимать общественные должности с утверждения правительственных властей согласно указанным законами случаям, творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по своим обрядам как в частных домах, так и в специальных зданиях. При этом за священнослужителями не признавалось духовного сана или звания; старообрядцам воспрещались крестные ходы, публичные процессии и ношение икон, колокольный звон, ношение священнических облачений, строительство молитвенных сооружений, похожих на храмы.

К началу XX в. в России общественное и государственное отношение к древлеправославным христианам меняется. Приходит осознание ошибочности гонений на них. Даже некоторые государственные деятели стали критически воспринимать действия господствующей церкви [8, с. 36—42]. Представляется, что в тех определённых политических и социально-экономических обстоятельствах идея привлечь старообрядцев к заселению полосы вдоль КВЖД могла вполне быть осмыслена и освоена ведущими политиками страны и являться достаточно зрелой, требующей, чтобы её не только озвучили, но и приложили политическую волю к претворению в жизнь. Думается, что идея о водворении старообрядцев и других «инаковерующих» вдоль КВЖД и предоставлении им гражданских прав, которыми не обладали их одноверцы в Центральной России, могла принадлежать С. Ю. Витте как человеку, обладающему широкой и смелой натурой, способному иметь собственные государственные идеи. Кроме того, в тогдашнем правительстве он был единственным, кто занимался вопросами сооружения Великого Сибирского пути, включая, разумеется, и строительство Китайской Восточной железной дороги [1, т. 2, с. 3, 4]. Можно напомнить, что он же являлся главным идеологом строительства КВЖД и её главным финансистом.

М. Б. Сердюк отмечает, что в связи с планами «мирного завоевания» Маньчжурии и началом строительства КВЖД неизбежно встал вопрос о формировании там русского населения. В начале XX в. наместник императора на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е. И. Алексеев считал, что

«...скорейшее заселение края русскими людьми как надёжнейшее средство нашего упрочения на Дальнем Востоке является делом до того настоятельным и неотложным, что ради его достижения не представляется останавливаться ни перед какими затратами» [7, с. 169].

В 1899 г., анализируя обстановку на КВЖД, С.Ю. Витте предоставил в правительство справку со своими предложениями о мерах сдерживания движения китайских переселенцев к пределам императорской России. Он писал: «Наиболее действенным для сего средством было бы заселение русскими колонистами земель, расположенных вдоль линии Китайской Восточной железной дороги, а также в той плодородной части Монголии, которая прилегает к Забайкалью. Но для того, чтобы успешно конкурировать с местным китайским населением, колонисты должны отличаться особенной стойкостью, энергией, трудолюбием и духом взаимной солидарности, без чего экономическая борьба с китайцами для них будет трудна.

Требованиям этим вполне удовлетворяют наши раскольники и в частности духоборы... Переселение означенных сектантов в пределы Маньчжурии или Монголии, если бы таковое было признано возможным, несомненно, оказало бы большую услугу русскому делу на Дальнем Востоке. В частности, для Китайской Восточной железной дороги оно облегчило бы возможность комплектовать кадры её низших агентов русскими людьми, а не китайцами. Вместе с тем сектанты эти благодаря их трезвости, энергии, трудолюбию явились бы крайне желательным для железной дороги элементом» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 8—10].

19 ноября 1900 г. министр финансов С.Ю. Витте пишет письмо на имя П.М. Романова, товарища министра финансов: «У меня явилась мысль заселить Маньчжурскую дорогу раскольниками и другими сектантами. Это, по моему мнению, наиболее там подходящий элемент... Переселенцев сектантов можно привлечь тем, что если им будет там раз навсегда обещана свобода исповедания и освобождение или особые льготы по вопросам повинности. Конечно, нужно будет оказать и необходимую материальную помощь. Я об этом говорил с министром Внутренних дел и военным, они сочувствуют. Впрочем, последнему о воинской повинности я ничего не говорил, хотя тем, которые переселяются на Маньчжурскую дорогу, волею или неволею придётся польготить в отношении сей повинности» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 15].

В 1900 г. С.Ю. Витте встретился в Ялте с представителями I Всероссийского съезда старообрядцев, среди них были Д.В. Сироткин, М.И. Бриллиантов, Д.А. Вышегородцев, А.Т. Комаров, И.И. Захаров, которые просили министра финансов о содействии в передаче прошения на имя императора о религиозных нуждах. Он высказал идею о переселении на КВЖД старообрядцев: «Если бы... старообрядцам была дарована полная религиозная свобода на веки веков и покровительство Государя Императора в Маньчжурии, при даровом проезде туда и нарезке земли, нашлись бы среди них желающие переселиться в Маньчжурию на линию строящейся дороги, для того чтобы оберегать там интересы России и воспрепятствовать ассимиляции казаков туземным населением» [5, с. 90].

Проблема безопасности русского христианского населения КВЖД обострилась, как известно, после трагических событий лета—осени 1900 г. во время военных действий в Маньчжурии, которые характеризуются некоторыми историками как русско-китайская война. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков особо беспокоился о будущем КВЖД. Опытный и грамотный организатор жизни переселенцев в Приамурье и Приморье, он умел решать многие практические вопросы обустройства новосёлов на дальневосточной земле, знал основные тенденции освоения и заселения края. Н.И. Дубинина утверждает, что будущее «представлялось проблематичным в случае, если не будут приняты охранительные меры». На основе сообщений Н.И. Гродекова военный министр представил специальный доклад императору Николаю II. В нём говорилось, что цинским правительством утверждён проект заселения китайцами пятнадцативерстовой полосы железной дороги в провинции Хэйлунцзян. «Указывая на особую опасность этой акции, Н.И. Гродеков полагал крайне необходимым принять меры к заселению русскими полосы вдоль магистрали» [2, с. 241—242].

Разумеется, приамурскую администрацию волновали в первую очередь вопросы заселения и хозяйственного освоения Дальнего Востока. 26 июня 1901 г. в заседании Комитета министров был заслушан внесённый по Высочайшему повелению всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора о состоянии вверенного ему края за 1898—1900 гг. 16 августа министр внутренних дел Д.С. Сипягин сообщал в письме № 448 министру финансов С.Ю. Витте, что на этом отчёте император Николай II сделал Высочайшую отметку напротив предложений генерала от инфантерии Гродекова о мерах, необходимых для охраны и обеспечения правильной эксплуатации КВЖД (образование особых железнодорожных батальонов, обнесение важнейших железнодорожных станций укреплёнными оградами и заселение русским элементом полосы земли, прилегающей к железнодорожной линии). Д.С. Сипягин писал: «...не подлежит для меня сомнению, что в ряду способов обеспечения в будущем неприкосновенности Маньчжурской железной дороги является колонизация прилегающих к ней местностей русскими переселенцами. Поэтому выяснение принципиального вопроса об основаниях означенной колонизации, а затем скорейший приступ к практическому выполнению этой задачи представляется весьма желательным. Колонизация М.Ж.Д. будет иметь правительственный характер, а поэтому допускать в район этой линии русских переселенцев окажется возможным только при полной уверенности, что их личная и имущественная безопасность не будет нарушена, а в случае возникновения каких-либо осложнений им будет обеспечена своевременная помощь и защита.

Не менее важным для успеха дела является вопрос о надлежащем подборе переселенцев. В этом отношении я полагал бы преимущественно воспользоваться раскольниками и некоторыми категориями сектантов, как например, духоборами, часть которых выселилась в недавнее время в Америку. При отсутствии в крае постоянного русского населения подобные лица не могут представлять опасности с точки зрения религиозной пропаганды, стойкие в охране своей народности и способные преодолеть самые трудные условия водворения» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 16, 18, 19].

На что 30 августа 1901 г. С.Ю. Витте отвечал: «...Переходя затем к вопросу о колонизации местности, прилегающей к Китайской Восточной железной дороге, русскими переселенцами, считаю долгом высказать, что, по моему мнению, мера эта заслуживает самого полного внимания. В особенности удачной представляется мне мысль воспользоваться для означенной цели раскольниками и сектантами ввиду стойкости последних в сохранении своей народности и доказанных опытом колонизационных способностей. Но, вполне разделяя мнение Вашего Превосходительства о государственной важности упомянутой меры, не могу, однако, не признать, что осуществление её на практике в настоящее время едва ли своевременно в отношении магистрали Китайской Восточной железной дороги...» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 22, 23].

Таким образом, оба министра признавали летом 1901 г. возможность воспользоваться заселением прилегающих к дороге местностей в качестве наиболее надёжного русского элемента преимущественно древлеправославными христианами и духоборами и не видели в этом непреодолимых препятствий. Но в сложившихся военно-политических обстоятельствах осуществление этих планов было отложено.

Беседы с министром финансов не прошли даром для самих старообрядцев, приемлющих священство Белокрыницкой иерархии. С их стороны предпринимались шаги к осуществлению идеи переселения на КВЖД. В августе 1901 г. вопрос о переселении обсуждался на II съезде старообрядцев в Нижнем Новгороде. Совет Всероссийского старообрядческого попечительства стал рассылать запросы о переселении. На исторической сцене появляются зарубежные старообрядцы, которые через 8 лет составили основной поток переселенцев древлеправославных христиан на Дальний Восток. Они в какой-то мере осуществили на практике правительственные планы начала XX в. В ноябре 1902 г. делегация III Всероссийского съезда при посещении Австро-Венгрии (с. Белая Криница) сообщила о предложении С.Ю. Витте. Русские старообрядцы, австрийские подданные, жалуясь на малоземелье и религиозные преследования, просили переселить их в Маньчжурию, если там действительно будет обеспечена свобода веры [5, с. 90].

В.Ф. Лобанов считает, что «вопрос о переселении старообрядцев в Маньчжурию приобрёл определённую политическую значимость» [3, с. 54]. Через некоторое время, в начале 1903 г., возможно, по желанию государя императора Николая II, частным образом, в Особом совещании при министре финансов были подготовлены правила для заселения полосы вдоль КВЖД. Товарищ министра финансов П.М. Романов наметил три группы переселенцев: 1) вольные переселенцы на свой страх и риск; 2) отставные нижние чины и отставные из охраны КВЖД; 3) «раскольники и сектанты, за исключением представителей сект, не признающих употребление оружия хотя бы для самообороны». По поводу третьего элемента для русской колонизации он высказал убеждение, что «лица этой категории известны уже как выдающиеся колонизаторы, стойкие в охране своих порядков и способные преодолеть самые трудные условия водворения». Было отказано в переселении духоборам, скопцам и штунди-

стам. Старообрядцев и других инаковерующих предполагалось привлечь обеспечением полной свободы вероисповедания и льготами по воинской повинности. Особое совещание сочло крайне желательным предоставление свободы вероисповедания для побуждения старообрядцев к переселению в Маньчжурию. 17 января 1903 г. император Николай II одобрил предложения Особого совещания при министре финансов, а правлению Общества КВЖД он повелел проявлять веротерпимость [7, с. 170].

Как известно, 23 мая 1903 г. Его Императорское Величество Высочайше утвердил «Правила о водворении русских подданных на участках, принадлежащих обществу Китайской Восточной железной дороги».

По вопросу же о заселении старообрядцев и сектантов, переписка министров продолжалась. 12 июня 1903 г. С. Ю. Витте писал в письме № 359 к министру внутренних дел Вячеславу Константиновичу Плеве об утверждении правил императором: «...Засим на последнем всеподданнейшем докладе моём Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть мне представить к подписанию Его Императорского Величества проект Высочайшего указа, составленный согласно с известным Вам мнением его Величества по вопросу о заселении участков общества КВЖД раскольниками и другими сектантами.

Имею честь препроводить при сём к Вашему Высокопревосходительству составленный мною проект означенного указа, покорнейше прося Вас не отказать сообщить мне могущие последовать по содержанию его замечания Ваши по возможности в непродолжительном времени, дабы установить, согласно сим замечаниям, окончательный текст проекта, и я мог представить его на Высочайшее Государя Императора благовоприятие на ближайшем всеподданнейшем докладе».

Проект Высочайшего Указа: «В 23 день мая сего года Мы утвердили правила о водворении русских подданных на приобретённых обществом Китайской Восточной железной дороги в Маньчжурии участках земли, положив заведование сим делом, под вашим руководством и наблюдением, на общество названной дороги и предоставив по этим правилам селиться на означенных участках всем подданным нашим, в том числе старообрядцам и принадлежащим к коренному населению последователям вероучений, различествующих от Православной веры, за исключением сект скопческой и хлыстовской.

Ныне, во внимание к заслугам, оказанным старообрядцами и последователями некоторых других вероучений в деле заселения окраин государства, и стойкости, проявленной ими в сохранении русской народности в чужой среде, Мы всемилостивейше даруем тем из них, кои водворятся на основании утверждённых Нами минувшего мая правил на землях вдоль Китайской Восточной железной дороги, одинаковые с предоставленными нашим подданным Православной веры права гражданские и по отправлении духовных треб и обрядностей, не устанавливая никаких ограничений в отношении совершения треб, общественных молитв и богослужения, допуская свободное устройство часовен, молитвенных зданий, кладбищ, монастырей и храмов, без каких-либо изъятий в отношении наружного их вида, подвеса колоколов и прочее и разрешая лицам, совершающим

духовные требы, ношение служительского одеяния повсеместно в Маньчжурии, а равно преподавание в учреждённых там единоверцами их школах.

Даруя эти права, Мы требуем, чтобы пользование ими соединялось с верностью престолу и Отечеству и неуклонным исполнением обязанностей, лежащих на всех верноподданных НАШИХ.

Указ сей во всеобщее сведение не публиковать» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 195].

17 июня 1903 г. министр внутренних дел В.К. Плеве рассмотрел проект и сочувственно отнёсся к его основной мысли, касающейся юридической стороны акта и формы его изложения. В письме № 533 С.Ю. Витте содержится заключение на этот проект Высочайшего указа. Прежде всего он заметил, что «на основании общего начала о территориальном действии законов, ограничения, установленные для раскольников существующими узаконениями (закон 3 мая 1883 г.), не имеют силы вне пределов государственной территории, а следовательно, эти ограничения ни в чём не могут стеснить осуществления предложений относительно водворения в Маньчжурском крае русского раскольничьего населения, если только в порядке управления этих краёв не будет признано желательным ввести эти ограничения как один из приёмов управления. Таким образом, обсуждаемый проект не предоставляет раскольникам в Маньчжурии каких-либо новых прав, а может лишь служить удостоверением, что русское правительство не имеет в виду применять к ним ограничительных постановлений, действующих в отношении раскольников в пределах империи».

В.К. Плеве полагал по этой причине, что не нужно издавать этот акт в торжественной форме ВЫСОЧАЙШЕГО УКАЗА. Он серьёзно сомневался в самом изложении Указа, так как, в сущности, там провозглашалось начало полной равноправности раскола с православием, был убеждён, что такое начало явилось бы резким отступлением от общего направления политики правительства по отношению к раскольникам. Министр внутренних дел опасался, что при свойственном старообрядцам стремлении к пропаганде своего учения они могли бы распространять свои религиозные взгляды среди православного населения. Это его опасение усугублялось осознанием того, что в полосе КВЖД слабо развито церковное строительство и мало священников. В.К. Плеве предлагал, чтобы намеченные раскольникам льготы в Маньчжурии были представлены менее торжественным способом.

И главное, он считал, что Высочайшее повеление «...должно ограничиться указанием на разрешение вышеупомянутым раскольникам свободно отправлять богослужение по своим обрядам и устраивать молитвенные дома, не подвергаясь ответственности за публичное оказательство раскола. Наряду с этим... надлежало бы вполне определённо выразить... что освобождение от ответственности за публичное оказательство не распространяется на случаи соращения кого-либо в раскол. Для предупреждения таких случаев я находил бы, кроме того, необходимым воспретить посещение раскольничьих школ православными детьми. Подобное упоминание о мерах против соращения в раскол... имело бы ещё значение и потому, что при возможных в будущем изменениях государст-

венных отношений в Маньчжурском крае признаваемые за ними права не потерпели бы умаления».

В заключении своего письма В.К. Плеве согласился с мнением о нежелательности обнародования проектируемого правительственного распоряжения. Он добавил, что это распоряжение местное начальство может непосредственно объявить заинтересованным лицам [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 201—203]. Император Николай II повелел С.Ю. Витте представить всеподданнейший доклад «О правах гражданских и по отправлению духовных треб старообрядцев и принадлежащих к коренному населению последователей вероучений, различествующих от православной веры, при поселении в Маньчжурии», составленный в соответствии с непосредственными указаниями самого императора относительно прав гражданских по отправлению духовных треб старообрядцев и других сектантов, поселяющихся на территории КВЖД. В докладе говорилось, что 23 мая 1903 г. Император утвердил правила о водворении русских подданных на участках земли, принадлежащих обществу КВЖД в Маньчжурии, в том числе старообрядцев и русских последователей вероучений, различествующих от православной веры, за исключением сект скопческой и хлыстовской. Также сообщалось, что Государь Император соизволил указать на необходимость обеспечить на будущее время в пределах Маньчжурии свободу исповедания остальных вероучений от каких-либо ограничительных мер, применяемых к ним в империи; упоминались ограничения гражданских прав по отправлению духовных треб проживавшим в России старообрядцам, сохранившиеся согласно закону от 3 мая 1883 г.; уделялось внимание факту, что указанные ограничения не распространялись на старообрядцев, проживавших в южной части Бессарабской губернии. 18 мая 1879 г. было **ВЫСОЧАЙШЕ** утверждено положение Комитета министров в отношении старообрядцев воссоединённой части Бессарабии о предоставлении ряда прав и свобод. Разрешалось не возбуждать производство дел по устройству храмов и употреблению при них колоколов, не возбуждать преследований за открытое совершение богослужений по древлеправославным обрядам, не преследовать священников, кроме случаев соращения из православия.

На подлинном докладе министр финансов написал: «**ВЫСОЧАЙШЕ** соизволение последовало 20 июня 1903 года. Петергоф» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 203—204].

26 июня того же года С.Ю. Витте писал Е.И. Алексееву письмо (№ 389), в котором сообщал об утверждении Императором доклада. «Так как доклад этот имеет в виду привлечение на территорию Китайской Восточной железной дороги русских сектантов, испытанных в заселении окраин государства и неоднократно выказывающих большую стойкость в сохранении русской народности в чужой среде, то льщу себя надеждой, что содержание доклада не разойдётся со взглядами Вашего Высокопревосходительства, зная, как дороги Вам русские интересы в Маньчжурии» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 214]. 28 июня 1903 г. список с доклада посылается министру внутренних дел В.К. Плеве в письме (№ 394) [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 215].

Наместник императора на Дальнем Востоке, генерал-адъютант Алексеев 28 июня прислал ответную телеграмму министру финансов: «Имею

честь уведомить Ваше Высочайшее Превосходительство, что на проекты, przeprowadzone при письмах номер 388, 389, никаких возражений с моей стороны не встречается» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 164. Л. 216].

В.Ф. Лобанов убеждён, что «император Николай II оказался значительно либеральнее своих сановников, рискнув предоставить старообрядцам, которым предстояло обживать далёкую русскую колонию в Маньчжурии, полную свободу исповедания» [3, с. 54].

В заключение можно добавить, что правила переселения старообрядцев и сектантов оговаривались в секретном протоколе Правления общества КВЖД от 2 июля 1903 г. [7, с. 171]. И главное, с чем нужно согласиться: переселение в Северную Маньчжурию было подготовлено при поддержке представителей старообрядческой церкви Белокриницкого согласия [6, с. 45]. До Именного Высочайшего Указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., который даровал свободу христианского вероисповедания и установил правовую систему, допускающую свободное исповедание древнерусской православной веры, оставался год и десять месяцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витте С.Ю. (1849—1915): Избранные воспоминания. 1849—1911 гг. В 2 т: Т. 1. М.: Терра, 1997. 352 с.; Витте С.Ю. (1849—1915): Избранные воспоминания. 1849—1911 гг.: в 2 т: Т. 2. М.: Терра, 1997. 400 с.
2. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: ист.-биограф. очерк. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2001. 352 с.
3. Лобанов В.Ф. Попытка переселения старообрядцев в Северную Маньчжурию накануне русско-японской войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщ. междунар. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Хабаровск: ХГПУ, 1995. С. 53—55.
4. Лобанов В.Ф. Формирование и деятельность старообрядческих общин в Приамурском крае во второй половине XIX века // Алтарь России: альманах. Владивосток: изд-во «Омега», 1997. Вып. 1. С. 38—44.
5. Селезнёв Ф.А. Д.В. Сироткин и старообрядческая колонизация Дальнего Востока в начале XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность: сборник. М., 2009. Вып. 13. С. 90—92.
6. Сердюк М.Б. Переселение старообрядцев на Дальний Восток: Проекты и их осуществление // Алтарь России: альманах. Владивосток: Изд-во «Омега», 1997. Вып. 1. С. 44—46.
7. Сердюк М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858—1917): дис. ... канд. ист. наук / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока. Владивосток, 1998. 224 с.
8. Чистяков Г.С. Рогожские алтари — запечатлённая святыня. М.: Панагия; Языки славянской культуры, 2005. 56 с.
9. Фёдорова А.И. Старообрядческие общины Южной Бессарабии в середине XIX века // Липоване: история и культура русских старообрядцев: материалы ежегодника и научных конференций [Электронный ресурс] / Сост.: А.А. Пригарин; кафедра археологии и этнологии Украины, Одесский национальный ун-т им. И.И. Мечникова. Одесса, 2007. Вып. 1—4. 1 DVD-ROM. Загл. с этикетки диска.
10. Юхименко Е.М. Правительственная политика «борьбы с расколом» и история старообрядческого движения XVII — начала XX в. // Старообрядчество: история, культура, современность: сборник. М., 2002. Вып. 9. С. 2—5.